

DOI: 10.31862/0130-3414-2020-3-24-31

О.В. Алексеева, Е.Я. Антонова

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
163002 г. Архангельск, Российская Федерация

Ломоносов как эмблема русской поэзии (русские поэты XVIII века о портрете М.В. Ломоносова)

Аннотация. Цель данной работы – проанализировать поэтические отклики писателей XVIII в. на прижизненный портрет М.В. Ломоносова в контексте интереса эпохи к эмблеме. Методы исследования: культурно-исторический, семиотический. На протяжении XVIII в. эмблематика включается в русскую культуру, используется как декоративно-смысловой элемент в визуальных искусствах и как художественный прием в литературе, являясь отражением эмблематического мышления эпохи. Эмблематическое начало стало предметом внимания современных исследователей творчества Стефана Яворского, А.Д. Кантемира, Г.Р. Державина. Неизученным на данный момент представляется эмблематическое мышление эпохи, проявившееся в лирическом жанре подписи к портрету. Предметом внимания данной работы является единственный прижизненный портрет Ломоносова, на который в разные десятилетия XVIII в. откликнулись несколько поэтов: Н.Н. Поповский, В.И. Майков, Г.Р. Державин и Н.М. Карамзин. Работая в характерном для своей эпохи жанре подписи к портрету, поэты, так или иначе будучи наследниками одической традиции, заложенной Ломоносовым, дали оценку творчества своего предшественника. Сопоставительный анализ четырех стихотворений показывает, как менялось поэтическое восприятие Ломоносова на протяжении XVIII в. Если в середине столетия Ломоносов в культурном сознании эпохи был значим и как эпический поэт, и как одописец, и как ученый, то в конце века Ломоносов воспринимается исключительно как создатель торжественной оды. Можно говорить о том, что образ Ломоносова эмблематизируется и становится знаком укорененности России в культурном пространстве Европы. Сами же стихотворения, соединенные с изображением и мыслимые как подписи к портрету, становятся частью эмблемы. В конце статьи предложен ряд вопросов и заданий, которыми могут воспользоваться учителя-словесники во время изучения русской литературы XVIII в. и, в частности, творчества М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: М.В. Ломоносов, парадный портрет, Г. Преннер, Н.Н. Поповский, В.И. Майков, Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин, эмблема

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Алексеева О.В., Антонова Е.А. Ломоносов как эмблема русской поэзии (русские поэты XVIII века о портрете М.В. Ломоносова) // Литература в школе. 2020. № 3. С. 24–31. DOI: 10.31862/0130-3414-2020-3-24-31

DOI: 10.31862/0130-3414-2020-3-24-31

O.V. Alekseeva, E.Ya. Antonova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, 163002, Russian Federation

Lomonosov as an emblem of the Russian poetry (Russian poets of the XVIIIth century about the portrait of M.V. Lomonosov)

Abstract. The purpose of this work is to analyze the poetic responses of writers of the XVIIIth century to the lifetime portrait of M.V. Lomonosov in the context of interest in the emblem. Research methods are cultural-historical and semiotic. Throughout the XVIIIth century, the emblem studies were incorporated into the Russian culture; they were used as a decorative and semantic element in visual arts and as an artistic device in literature being the reflection of the emblematic way of thinking of the time. The emblematic beginning has become the focus of attention of modern researchers of Stefan Yavorsky, A.D. Kantemir and G.R. Derzhavin. The emblematic way of thinking of the time, manifesting in the lyrical genre of the portrait caption, is believed to be unstudied. The subject of this work is the single lifetime portrait of Lomonosov to which several poets (N.N. Popovsky, V.I. Maikov, G.R. Derzhavin and N.M. Karamzin) responded in different decades of the XVIIIth century. Working in the genre of the signature to the portrait, characteristic of their era, the poets, who were successors to the ode tradition established by Lomonosov, gave an assessment to the work of their predecessor. The comparative analysis of four poems shows how the poetic perception of Lomonosov changed during the XVIIIth century. In the middle of the century Lomonosov in the cultural consciousness of the era was significant as an epic poet, as an odes writer and as a scientist while at the end of the century Lomonosov is perceived exclusively as the creator of the solemn ode. We can say that the image of Lomonosov is emblemized and becomes a sign of Russia's rootedness in the cultural context of Europe. The poems themselves, connected with the image and thought of as captions to the portrait, become the part of the emblem. At the end of the article, a number of questions and tasks are proposed that can be used by teachers of literature during the study of the Russian literature of the XVIIIth century and the works of M.V. Lomonosov's, in particular.

Key words: M.V. Lomonosov, ceremonial portrait, G. Prenner, N.N. Popovsky, V.I. Maykov, G.R. Derzhavin, N.M. Karamzin, emblem.

CITATION: Alekseeva O.V., Antonova E.Ya. Lomonosov as an emblem of the Russian poetry (Russian poets of the XVIIIth century about the portrait of M.V. Lomonosov). *Literature at School*. 2020. No. 3. Pp. 24–31. (In Russ.). DOI: 10.31862/0130-3414-2020-3-24-31

XVIII век является временем активного включения эмблематики в русскую культуру. Заимствованные из европейского культурного языка, в России «эмблематические формы, мотивы и образы использовались в геральдике, пышном декоре кораблей российского флота, официальных торжествах и фейерверках, триумфальных арках, в архитектуре и внутреннем убранстве помещений, парковой скульптуре, живописи и книжных иллюстрациях, декоративном искусстве и ремеслах» [13, с. 132]. Причиной интереса России XVIII в. к эмблеме является не только мощный «культурный импорт» [8], ставший возможным благодаря реформам Петра I, но и лежащее в основе мышления человека Нового времени неоплатоническое видение мира: изменчивая реальность, доступная физическим чувствам, есть система знаков, прочтение которых позволит выявить и постичь истинное, идеальное и вечное. Именно эту цель и преследует расшифровка эмблемы – жанра барочного искусства, чья трехчастная (реже двухчастная) структура, активизируя визуально-чувственное и словесно-рациональное начала, заставляет человека обнаружить скрытое смысловое единство слова и изображения [10].

Эмблема находила отражение не только в визуально-пластическом, но и в словесном тексте русской культуры Нового времени. Так, эмблематическое мышление Стефана Яворского ярко проявило себя, в частности, в его эпитафии «*Emblemmata et symbola...*», которая стала предметом внимания И.П. Еремина [6], А.А. Морозова [11], П.Е. Бухаркина [1]; богатый «эмблематический слой» [5, с. 182] заложен в сатирах А.Д. Кантемира; в творчестве Г.Р. Держави-

на эмблема живет как «синтетический литературно-изобразительный жанр» [13, с. 133]. В торжественной оде, любовной поэзии, в драматургии эмблемы «служили богатым источником символической образности и одним из средств расширения и углубления контекстов и интертекстуальных связей» [Там же].

Любопытным примером механизма порождения эмблемы усилиями поэтов, далеких от барочной культуры, является судьба единственного прижизненного портрета М.В. Ломоносова, выполненного австрийским художником Георгом Каспаром Иосифом фон Преннером, приглашенным ко двору Ее Императорского Величества Елизаветы Петровны в 1750 г. Преннер был призван создавать, в первую очередь, парадные портреты, героями которых должны были стать члены императорской семьи и лица, приближенные ко двору. О жанре парадного портрета и о том, как правильно читать изображения на парадных портретах, подробно говорится в ряде работ [например: 2; 3; 14]. Преннер оставил парадные портреты императрицы Елизаветы, у него заказывали свои изображения вице-канцлер России граф М.И. Воронцов, канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, ответственный за внешнюю политику Российской империи граф П.И. Шувалов, граф Я.Е. Сиверс и др. За время пребывания в России Преннер создал 13 портретов «партикулярных придворных и в городе персон», среди которых оказался и портрет М.В. Ломоносова. Важен этот ряд: императрица, канцлер России, вице-канцлер России, графы – и Ломоносов.

К сожалению, картина кисти Преннера до нас не дошла. Но именно на нее ориентировался Этьен Фессар,

когда ему заказали гравированный портрет Ломоносова, предназначавшийся для фронтисписа к первому тому сочинений поэта, издаваемому Московским университетом. Ломоносов посчитал необходимым внести в портрет некоторые изменения – и в результате на свет появилась гравюра, выполненная Христианом Вортманом.

На портрете работы Вортмана Ломоносов сидит за столом перед листом бумаги, на которой вполне можно прочитать «Ода Ея Императорскому Величеству» (таким образом, автор и зритель смотрит на Ломоносова как на одописца и должен ценить его в этом статусе). Чем же значим Ломоносов? Тем, что он – ведущий одописец страны. Помимо листа на столе стоят глобус (его занимает естествознание) и микроскоп (интересуют естественнонаучные дисциплины), лежат чертежные инструменты (точные науки). Под столом сложены книги (он ученый). Итак, основная мысль картины: изображенный на ней человек – это ученый и поэт, то есть человек, который всеми своими делами служит процветанию Российского государства.

На портрет Ломоносова откликнулись несколько поэтов, разных как по своим литературным возможностям, поэтическому дарованию, так и по своим поэтическим судьбам. Это Н.Н. Поповский, В.И. Майков, Г.Р. Державин и Н.М. Карамзин. Все четверо – так или иначе – могут быть охарактеризованы как ученики Ломоносова. И все четверо поняли, что подражать гению невозможно, и выбрали свою (не одическую) нишу в литературе. Поповский хотя и писал стихи, но в большей мере занимался переводами английской и французской литературы. Майков,

известный своими торжественными одами, все же прославился не этим жанром, а бурлескной поэмой. Державин, который в подражании Ломоносову потерпел полную неудачу, о чем сам и признавался в своих мемуарах, сумел найти свой, неповторимый слог, свою интонацию, свои темы. Карамзин лишь в ранних своих опытах воспроизводил модель ломоносовской оды, но очень быстро отошел от классицистического представления о реальности к представлению сентименталистскому. Не похожие друг на друга, каждый из них написал (независимо друг от друга, то есть ни с кем не соревнуясь и не споря) надпись к портрету Ломоносова.

Каким видят поэты XVIII в. Ломоносова и насколько похож он в их надписях на портретное изображение?

Московской здесь Парнас

изобразил витию,

Что чистой слог стихов и прозы ввел

в Россию.

Что в Риме Цицерон и что Виргилий был,

То он один в своем понятии вместил,

Открыл природы храм

богатым словом Россос

Пример их остроты в науках Ломоносов, –

так писал о Ломоносове Н.Н. Поповский в 1757 г. в стихотворении «Надпись к портрету М.В. Ломоносова» [12, с. 114]. Поповский говорит о том, что Ломоносова изобразил «московский Парнас». Это связано с тем, что сама картина Преннера была утрачена, но с нее была сделана копия, благодаря которой мы и можем созерцать портрет Ломоносова, сделанный при его жизни. Итак, Парнас изобразил «витию» (то есть человека, великолепно владеющего словом), «что чистой слог стихов и прозы ввел в Россию» (то есть он великолепно владел поэтической и прозаической речью и, более того, сделал эту речь

образцовой для остальных писателей). Ломоносов подобен великим античным авторам – оратору Цицерону и поэту Вергилию – и даже превосходит их, потому что ораторское и поэтическое искусство в Древнем Риме было поделено между двумя мастерами слова, а в России они соединились в лице одного Ломоносова.

В трактовке В.И. Майкова образ Ломоносова несколько меняется:

Сей муж в себе явил российскому народу,
Как можно соединять с наукою природу.
Когда торжественно на лире он гремел,
Он гром соединять с приятностью умел;
Натуры ль открывал нам храм

приятным словом,
Казался важным быть

и в сем убранстве новом,
Великого ль Петра число великих дел
Во героической своей поэме пел,
И тамо показал себя он честью россом, –
Таков-то был велик почтенный Ломоносов.
С наукой в нем блистал его природный дар;
Он был наш Цицерон, Вергилий и Пиндар.

(«К изображению Михаила Васильевича
Ломоносова», 1777)
[9, с. 285]

Ключевым словом в первом четверостишии является глагол «соединять», он повторен дважды. Ломоносов соединял «с наукою природу» и «гром соединять с приятностью умел». Каков смысл этих фраз? Майков говорит о том, что главное достоинство Ломоносова не в том, что он ученый, не в том, что он поэт, не в том, что он поэт-одописец, и не в том, что он великолепно владеет словом. Его достоинство в том, что он все это смог в себе вместить. И, тем самым, дал всему российскому народу полезный пример. Майков вспоминает о духовных стихотворениях Ломоносова, в частности, о его знаменитых рассуждениях о Божием величии («Натуры ль открывал нам храм приятным словом...») и таким обра-

зом переключает внимание на поэтический дар Ломоносова. «Великого ль Петра число великих дел» – здесь речь идет о незаконченной поэме «Петр Великий». «С наукой в нем блистал его природный дар» – то есть сама природа наградила его не только научным складом ума, но и поэтическим дарованием. И важно не только научное имя Ломоносова, но и то, кем он оказался для России, если сравнить его с античными авторами: «Он был наш Цицерон, Вергилий и Пиндар». Уже знакомые нам образы, к которым добавляется еще и Пиндар – создатель жанра так называемой пиндарической оды, то есть оды торжественной – именно того типа оды, который будет совершенствовать в своем творчестве Ломоносов. И так, по концепции Майкова, Ломоносов – это ученый и поэт; человек, равно одаренный природой как в научной, так и в поэтической сфере. Но если в науке Ломоносов как бы беспрецедентен (нет имен ученых, с которыми можно сопоставить имя Ломоносова), то в поэзии он превосходит трех великих античных авторов.

Г.Р. Державин, по сравнению со своими предшественниками, был весьма краток:

Се Пиндар, Цицерон, Вергилий –
слава россом,
Неподражаемый, бессмертный Ломоносов.
В восторгах он своих где лишь черкнул
пером,
От пламенных картин поныне слышен
гром.

(«К портрету Михаила Васильевича
Ломоносова», 1779)
[4, с. 28]

В трактовке Державина Ломоносов – чистый поэт. О науке здесь речи нет вовсе.

Ну и, наконец, Н.М. Карамзин. Так же, как и Державин, не вспоминая

поэтов к своему великому предшественнику, но и позволяют сформировать индивидуальное к нему отношение у самих учащихся.

В заключение предлагаем примерные вопросы и задания, которые могут направить работу учителя на уроках литературы.

1. На портрете за спиной Ломоносова стоят книги, на столе лежат листы бумаги, циркуль, транспортир, треугольник, стоит глобус, перед столом лежат образцы смальты. Все говорит о том, что человек, изображенный на картине, – это ученый. Как вы думаете, почему поэты конца XVIII в. как будто не замечают этих деталей и готовы видеть в Ломоносове только поэта?
2. В XVIII веке в русской культуре жанр комплиментарного поэтического отклика на портрет, относившийся к числу поэтической

«мелочи», был довольно распространен. При этом стоит отметить, что портрет Ломоносова был создан приблизительно в 1755–1757 гг., стихотворение Майкова появляется в 1777 г., стихотворение Державина – в 1779 г., надпись Карамзина – в 1797 г. И лишь Поповский, написавший стихотворение в 1757 г., откликнулся непосредственно на рождение портрета своего современника. Как вы думаете, что вызвало желание создать надпись к портрету Ломоносова у поэтов, отдаленных от создания этого портрета десятилетиями?

3. Надписи к каким портретам других писателей, видных исторических деятелей вам знакомы?
4. Как вы думаете, какую задачу выполнял в XVIII в. жанр подписи к портрету?

Библиографический список

1. Бухаркин П.Е. История русской литературы XVIII века (1700–1750-е годы). СПб., 2013.
2. Гаврин В.В. Иносказание в портретной живописи России второй половины XVIII века // Искусствознание. 2003. № 1. С. 250–295.
3. Гаврин В.В. «Подпора царственного зданья...»: портрет государственного деятеля как аллегория // Искусствознание. 2004. № 1. С. 191–229.
4. Державин Г.Р. Сочинения. М., 1985.
5. Довгий О.Л. Эмблематические коды сатир А.Д. Кантемира // Эмблематика и эмблематичность в западноевропейской и русской культуре: монография / под ред. А.Е. Махова. М., 2016. С. 153–184.
6. Еремин И.П. К вопросу о стихотворениях Феофана Прокоповича // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 16. М.; Л., 1960. С. 506–510.
7. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1966.
8. Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005.
9. Майков В.И. Избранные произведения. М.; Л., 1966.
10. Махов А.Е. Эмблематика: макрокосм. М., 2014.
11. Морозов А.А. Эмблематика барокко в литературе и искусстве Петровского времени // XVIII век. Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. Сб. 9 / под ред. Г.П. Макогоненко, Г.Н. Моисеевой. Л., 1974. С. 184–226.
12. Поповский Н.Н. Надпись к портрету М.В. Ломоносова // Поэты XVIII века. Т. 1. Л., 1972. С. 114.
13. Сазонова Л.И. Эмблематика в России, от Симеона Полоцкого до Пушкина // Эмблематика и эмблематичность в западноевропейской и русской культуре: монография / под ред. А.Е. Махова. М., 2016. С. 114–153.
14. Старк В.П. Портреты и лица. XVIII – середина XIX века. СПб., 1995.

References

1. Bukharkin P.E. Istoriya russkoi literatury XVIII veka (1700–1750-ye gody) [The history of Russian literature of the XVIII century (1700–1750s)]. St. Petersburg, 2013. (In Russ.)
2. Gavrin V.V. Allegory in Russian portraiture in the second half of the XVIII century. *Art Studies*. 2003. No. 1. Pp. 250–295. (In Russ.)
3. Gavrin V.V. “The buttress of the royal building...”: A portrait of a statesman as an allegory. *Art Studies*. 2004. No. 1. Pp. 191–229. (In Russ.)
4. Derzhavin G.R. Sochineniya [Collection of works]. Moscow, 1985. (In Russ.)
5. Dovgiy O.L. Emblematic codes of satyr A.D. Cantemira. *Emblematika i emblematichnost' v zapadno-yevropeiskoi i russkoi kul'ture*. A.E. Makhov (ed.). Moscow, 2016. Pp. 153–184. (In Russ.)
6. Yeryomin I.P. On the poems of Feofan Prokopovich. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 16. Moscow; Leningrad, 1960. Pp. 506–510. (In Russ.)
7. Karamzin N.M. Polnoe sobranie stihotvoreniy [Collection of works]. Moscow; Leningrad, 1966. (In Russ.)
8. Klein I. Puti kul'turnogo importa: Trudy po russkoi literatury XVIII veka [Ways of cultural import: Works on Russian literature of the XVIII century]. Moscow, 2005. (In Russ.)
9. Majkov V.I. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moscow; Leningrad, 1966. (In Russ.)
10. Makhov A.Ye. Emblematika: makrokosm [Emblem: macrocosm]. Moscow, 2014. (In Russ.)
11. Morozov A.A. Baroque emblem in literature and art of the Peter's era. *XVIII vek. Problemy literaturnogo razvitiya v Rossii pervoi chetverti XVIII veka*. Vol. 9. G.P. Makogonenko, G.N. Moiseeva (eds.). Leningrad, 1974. Pp. 184–226. (In Russ.)
12. Popovskij N.N. The inscription to the portrait of M.V. Lomonosov. *Poety XVIII veka*. Vol. 1. Leningrad, 1972. P. 114. (In Russ.)
13. Sazonova L.I. Emblem in Russia, from Simeon Polotsky to Pushkin. *Emblematika i emblematichnost' v zapadno-yevropeiskoi i russkoi kul'ture: monographiya*. A.E. Makhov (ed.). Moscow, 2016. Pp. 114–153. (In Russ.)
14. Stark V.P. Portrety i litsa. XVIII – seredina XIX veka [Portraits and faces. XVIII – mid XIX century]. St. Petersburg, 1995. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.03.2020, принята к публикации 10.05.2020
The article was received on 30.03.2020, accepted for publication 10.05.2020

Сведения об авторах / About the authors

Алексеева Оксана Витальевна – кандидат филологических наук; доцент кафедры литературы, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

Oksana V. Alekseeva – PhD in Philology (Literature); Assistant Professor at the Literature Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

E-mail: je1vu@yandex.ru

Антонова Елена Яковлевна – кандидат филологических наук; доцент кафедры литературы, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

Elena Ya. Antonova – PhD in Philology (Literature); Assistant Professor at the Literature Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

E-mail: vozgeli@yandex.ru